

Н.Д. Сафронова

**ТОЛКОВАНИЕ КАК БЕСЕДА:
ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
«ДИАЛОГА ЗЕМЛИ ЗАКАТА» МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА**

Сафронова Наталия Дмитриевна – аспирантка кафедры Истории зарубежной философии. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: offsafronova@gmail.com

В статье предлагается методологический анализ «Диалога земли заката» (“Das abendländische Gespräch”) – **текста, созданного М. Хайдеггером в 1946–1948 гг. и пока мало известного в России.** Неотъемлемой составляющей «преодоления метафизики» был для Хайдеггера диалог с поэзией. В поэтическом созидании, прежде всего в поэзии Фр. Гёльдерлина, мыслитель видел наиболее аутентичный способ существования языка. Рассмотренный в этом контексте, «Диалог земли заката» представляет собой важный источник для реконструкции не только хайдеггеровского понимания природы поэтического языка в целом, но и главных особенностей герменевтической методологии философа. Основная задача толкования – раскрытие особого «пространства-времени» существования поэтического слова – рассмотрена в статье в двух ключевых аспектах. Первым из них является происходящее в поэзии *сплавление ландшафта и языка*, вторым – требование *озвучивания смысла*. В ходе анализа этих аспектов проясняются нетривиальные методологические требования Хайдеггера к толкователю: позволить говорить самому слову поэта, привести свою мысль в слаженное раскачивание с толкуемым текстом, возратить слову полноту смысла и звучания. Кроме того, демонстрируется, что сама диалогическая форма текста, столь редкая в наследии Хайдеггера, выбрана автором неслучайно и позволяет заострить особенности его герменевтической стратегии.

Ключевые слова: Хайдеггер, Гёльдерлин, герменевтика, истолкование, преодоление метафизики, диалог, язык ландшафта, озвучивание смысла, языковое пространство-время

**«Диалог земли заката»: жанр, персонажи, методология
Значимость «Диалога» в контексте поиска праязыка**

Текст в жанре диалога – редкое явление в обширном корпусе сочинений Мартина Хайдеггера. Среди его 100-томного наследия мы находим лишь несколько работ, написанных в форме вымышленного диалога: три диалога 1944–1945 гг. объединены в 77 том Собрания сочинений¹; самый поздний,

¹ См.: *Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 77: Feldweg-Gespräche (1944/1945). Fr. a/M., 1995.* Первый диалог также вошел в сокращенном виде в 13 том Собрания. На основе этой версии А.С. Солодовниковой был выполнен перевод на русский язык: *Хайдеггер М.* Из раз-

относящийся к 1946–1948 гг., «Диалог земли заката» (“Das abendländische Gespräch”)² входит вместе с другими набросками, посвященными Гёльдерлину и путешествиям Хайдеггера по Греции, в 75 том Собрания. В целом же для текстов Хайдеггера гораздо более характерен монологичный стиль повествования. Правда, с той оговоркой, что монолог ведется не от лица автора, а тяготеет скорее к некоей имперсональной форме, где авторское «я» стремится уступить место звучанию «самой мысли» или «самого языка». Фундаментальной задачей Хайдеггера являлось проникновение на некий глубинный уровень «праязыка», смыслообразующей основы всех остальных дискурсов – повседневного, медийного, научного или философского. По иронии судьбы поиски подобного универсального, доличностного праязыка, говорящего через жест самоустранения персонального авторского голоса, сформировали тот уникальный стиль, который мы сегодня называем «хайдеггеровским языком»³. Правда, уместность этого выражения остается вопросом дискуссионным и напрямую зависит от признания успешности хайдеггеровского проекта по обнаружению нового, философски-миросозидающего потенциала языка.

Оставляя решение этого вопроса на усмотрение читателя, нужно подчеркнуть, что описанное положение, в котором оказались тексты Хайдеггера, само по себе иллюстрирует неоднозначность отношений между «персональным» и «универсальным» языком. Правда, под последним в данном случае понимается не некая формализованная и общезначимая система референций, а пласт исконных смыслов, образующих каркас человеческого самопонимания в мире. Этот нюанс в трактовке праязыка исключительно важен, поскольку вместе с трансформацией понимания того, что такое исходный язык, становится возможным по-новому проблематизировать отношения между автором, текстом и этим фундаментальным уровнем языка. Так, если критерием «исконности» становится не общезначимость и однозначность системы референций, а, если можно так выразиться, онтологический потенциал языка, т. е. его способность производить и формировать опыт встречи человека с миром, то снимается лежащее на поверхности противопоставление между «универсальностью» праязыка и «индивидуальностью», самобытностью художественной речи. Тем самым не только ставится под вопрос иерархия языков, в которой однозначный и более-менее унифицированный язык науки и философии наделяется большей истинностью и строгостью по сравнению с, казалось бы, полностью подвластным индивидуальному произволу языком литературы. Что еще важнее, происходит

говора на проселочной дороге о мышлении. К вопросу об отрешенности // *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. М., 1991. С. 112–133. В поле нашего внимания не войдут диалоги Хайдеггера с реальными собеседниками, такие как знаменитый текст «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим», поскольку в данном случае нас интересует вообразимый диалог как жанр литературного текста.

² Такой несколько неожиданный перевод (по сравнению с более очевидным вариантом: «Западноевропейский диалог») обусловлен тем, что автор статьи стремилась сохранить в русском варианте игру Хайдеггера со словом *Abendland* (в обычном переводе – «Запад» или «Европа»). Дословное значение *Abendland*, «вечерняя страна» или «земля заходящего солнца», обыгрывается в хайдеггеровских текстах, где Западная Европа предстает территорией, на которой разворачивается драма завершения метафизики, сумерек и заката европейского человечества.

³ См. замечание Хайдеггера в интервью: «Я уже сказал – хайдеггеровской философии не существует. Вот уже шестьдесят лет я пытаюсь понять, что такое философия, а не предлагать свою» (*Хайдеггер М.* Интервью журналу «Экспресс» // *Логос.* 1991. № 1. С. 54).

совпадение полюсов «индивидуального» и «универсального», при котором исконное слово, т. е. слово, затрагивающее некие глубинные структуры существования людей как людей, может иметь абсолютно своеобразную и неповторимую форму Слова поэта.

Как возможно достичь уровня праязыка и в каких текстах искать его след? Где пролегает граница между «моим» словом и словом, мне более не принадлежащим? Принадлежит ли вообще язык своему автору или же задача говорящего, наоборот, заключается в том, чтобы каким-то особенным образом принадлежать языку? Осуществимы ли предельные ситуации абсолютного присвоения языка себе или, наоборот, полного отречения от персональной речи, чтобы говорил «сам» язык?

Уникальные в хайдеггеровском наследии диалоги открывают новые перспективы для осмысления этих вопросов, латентно присутствующих во всех поздних работах Хайдеггера о языке, не только диалогических. Форма диалога позволяет перейти на следующий уровень деперсонализации текста, в котором авторское слово существует только в некотором пространстве *между* говорящими, в постоянном движении от одного собеседника к другому. Внимание в настоящей статье будет сосредоточено на самом позднем из диалогов – «Диалоге земли заката», посвященном интерпретации гимна «Истр» и ряда других поэтических произведений Фридриха Гёльдерлина. Включение этого третьего поэтического голоса, Гёльдерлина, в ткань беседы делает «Диалог земли заката» особенно интересным в контексте обсуждения праязыка, поскольку для Хайдеггера Гёльдерлин был поэтом *par excellence* – именно в его произведениях философ был склонен искать пути возвращения к аутентичному языковому опыту мира.

Довольно интригующими представляются фигуры и двух основных собеседников «Диалога», Старшего (Der Ältere) и Младшего (Der Jüngere), поскольку они избегают какой-либо однозначной исторической, биографической и даже драматической локализации. Действительно, из текста невозможно восстановить ни вероятные прототипы этих фигур, ни основания для таких имен. Хайдеггер не занимается психологической разработкой своих героев. Даже самое незатейливое предположение, что в их именах содержится намек на то, что один из них – более умудренный и рассудительный, другой же – пытливый и наивный, разбивается об абсолютную безликость этих двоих – скорее голосов, чем персонажей. Попытка проследить за особенностями речи Старшего и Младшего тоже не приносит особенных результатов: нельзя сказать, что одному из собеседников принадлежит большая инициатива, чем другому, в объеме или в содержании сказанного, поскольку оба озвучивают ключевые мысли и инициируют кардинальные повороты в русле разговора, а также, с незначительным перевесом в сторону Старшего, одинаково часто цитируют произведения Гёльдерлина. Единственный намек на то, кто мог бы скрываться за масками Старшего и Младшего, можно получить лишь косвенно – известно, что в диалоге 1944–1945, происходящем в лагере для военнопленных, собеседники носят такие же имена Старшего и Младшего: издательница 77 тома Ингрид Шюслер объясняет это тем, что Хайдеггер называет их в честь своих сыновей, которые находились в то время в русском плену⁴. Впрочем, достаточных оснований для отождествления между «героями» обоих диалогов привести невозможно, поскольку, как уже было отмечено, они максимально деперсонифицированы.

⁴ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 77. S. 248–249.

В связи с этим возникает вопрос: если сложно не только найти некие характерные черты того или другого собеседника, но и само различие между ними носит чисто номинальный характер, можно ли считать обоснованным выбор диалогической формы? Если абстрагироваться от формального распределения реплик между Старшим и Младшим, текст вполне мог бы быть прочитан как еще одно монологическое произведение Хайдеггера. Значит ли это, что ему не удалось создать настоящий диалог, что мы имеем здесь дело с не очень удачной попыткой смены жанра? Или же следует хотя бы на время принять презумпцию, что выбранная форма каким-то образом трансформирует как процесс осмысления, так и процесс чтения? Нашей задачей будет попытаться выяснить, присутствуют ли в тексте такие места, которые напрямую зависят от формы диалога, т. е. будучи переведены в монологический текст, утрачивают некоторые существенные черты. Если, таким образом, окажется, что именно диалогическая форма позволяет тексту Хайдеггера заговорить неким новым и, возможно, более «аутентичным» образом, то отсюда можно будет сделать выводы о ее роли в обнаружении праязыка.

Охарактеризовать роль диалогической формы у Хайдеггера – значит, прежде всего, определить, насколько она позволяет решить те задачи, которые стоят перед текстом. В первом приближении задачей «Диалога земли заката» является истолкование гимна Гёльдерлина «Истр». Однако истолкование здесь следует понимать не в смысле литературоведческого комментария, интеллектуального упражнения по обнаружению точных смыслов, подтекстов и аллюзий. Своеобразие трактовки целей и принципов истолкования у Хайдеггера накладывает на практику создания и чтения текстов весьма нетривиальные методологические требования. Поэтому небольшое исследование этих принципов должно помочь яснее очертить задачи «Диалога».

Итак, в «Диалоге» оригинальность хайдеггеровского герменевтического подхода проявляется прежде всего через нетривиальность тех задач, которые ставятся перед толкователем. Целью данной статьи является экспликация этих задач, которые латентно присутствуют в тексте, но не артикулируются в нем в качестве явных методологических принципов в силу стилистических особенностей диалога, тяготеющего к литературной, а не строго философской форме. Поэтому необходимо заранее отметить, что принципы (1) раскрытия «ландшафта языка» и (2) «озвучивания смысла», (3) перформативной и смысловой «исполненности» слова вводятся здесь впервые для заострения специфики хайдеггеровского подхода, нацеленного на раскрытие особого пространства-времени существования поэтического слова⁵.

Разработка ландшафта языка

В особенно сконцентрированном виде методологическая рефлексия прослеживается в начале «Диалога», где экспозиция темы диалога (гимн «Истр») сопровождается экспозицией собеседников внутри дунайского ландшафта:

⁵ Речь о «ландшафте языка» может вызвать в памяти читателей статью В.А. Подороги «Erectio. Гео-логия языка и философствование М. Хайдеггера» в кн.: *Философия Мартина Хайдеггера и современность*. М., 1991. С. 102–121. Полностью разделяя с автором представление об укорененности позднего философского языка Хайдеггера в ландшафте и признавая значение множества философских интуиций, выраженных в этой работе, настоящая статья подходит к теме «ландшафтности» с несколько иной точки зрения: на первый план выйдет не тематика «разрывов» и «складок», а задача обнаружения точки слияния ландшафта и языка, своего рода «говорящего ландшафта».

Младший: Как если бы слово парило в сияющей долине над медлящим потоком между замершими в ожидании лесами, вечером благостного дня клонящегося к завершению лета, так событийно сказывается слово Гёльдерлина, которое все настойчивее звенит мне в гимне «Истр» <...>

Старший: Твоя речь звучит глубоко потаенно. Но кажется, будто она раскачивается в противозмахе к сказанию певца, воспевшего для нас суть потока, по таинственному берегу которого ведет тропа нашего разговора⁶.

Эта параллель между тематической и ландшафтнoй экспозицией теряет характер случайной художественной детали по мере продвижения беседы, в ходе которой происходит необычное сплавление языкового и, условно назовем его, ландшафтнoго пластов. Хорошо известно, что поздние философские разыскания Хайдеггера были во многом направлены на поиск выхода за пределы метафизических оппозиций духа и материи, человека и природы, природы и бога, разумного и животного, чувственного и духовного. Эта общая ориентация нашла выражение и в герменевтических работах философа, где движение толкования направлено на раскрытие некоего исходного единства смысла слова и его звучания, предшествующего распаду на форму и содержание. В этом русле следует понимать и развертываемое в диалоге одновременное скольжение по ландшафту географическому и языковому, цель которого не может быть сведена к простому подбору удачной «природной» метафоры для иллюстрации мыслительного процесса. Толкование гимнов Гёльдерлина преследует гораздо более амбициозную задачу: с одной стороны, «разговорить» немоту природного ландшафта и, с другой, обнаружить ландшафтнoе изгибы, откосы, пики и излучины языка поэзии. Речь здесь идет о строгом и очень нетривиальном методологическом требовании, которое заставляет поставить под вопрос глубоко укоренившуюся мыслительную привычку отделять мир реально существующего (природы) от условного мира поэтических образов. Услышать язык ландшафта и обнаружить ландшафт в языке *буквально* – значит отказаться от категорий образа и метафоры, двух ключевых понятий эстетики, отказаться от того «как будто», которое наделяет мир поэтического слова качествами условности и воображаемости. Поэтому цепочка «поэтических образов», а лучше – природных *фигур*, с помощью которых Хайдеггер очерчивает характерную подвижность поэтической мысли (например, парящего над Альпами орла, стихающего в заводях и бурлящего между скал потока), лишь на первый взгляд представляется легко декодируемой системой метафор. Настоящий их вызов заключается в том, чтобы ухватить, что имеется в виду, когда мы читаем без кавычек, что слово может веять, взмывать и раскачиваться, что песня и поток – это *das Selbe*, То же Самое⁷.

⁶ *Heidegger M. Das abendländische Gespräch // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 75. Fr. a/M., 2000. S. 59.* О. Пёггелер обращает внимание на корневую связь между немецкими словами *Ergörting* (истолкование) и *Ort* (место), важную для понимания герменевтических идей Хайдеггера. Обнаруживающаяся уже у Фихте дефиниция истолкования как раскрытия *места* понятия в системе, трансформируется у Хайдеггера в задачу поиска особого пространства-времени существования слова – см.: *Pöggeler O. Heidegger's Topology of Being // On Heidegger and Language. Evanston, 1972. P. 145.* Также о пространстве-времени слова см. ниже в настоящей статье.

⁷ *Ст.:* «Следуя берегом реки, в нашей беседе мы толкуем поток, и только его, не называя его и не осознавая, что мы способны на это лишь потому, что поток есть знак. <...> Песнь тоже есть знак. Песнь и поток – это То же Самое» (*Heidegger M. Das abendländische Gespräch. S. 62–63*). Написание словосочетания «То же Самое» с заглавных букв продиктовано стремлением переводчика дополнительно акцентировать, что в хайдеггеровском тексте оно приобретает особое, отличное от повседневного значение, и пригласить читателя к размышлению о том, в каком смысле поток и песнь могут быть «одним и тем же».

Поэтому первое общее методологическое требование к толкованию «Истра» может быть сформулировано в терминах разработки *ландшафта языка*, где родительный падеж одновременно акцентирует два ключевых аспекта: стремление, во-первых, ухватить специфическую динамику поэтического языка в квазиприродных формах (поточность, раскачивание, веяние), а во-вторых, показать, как ландшафт принадлежит языку, т. е. как в слове рождается осмысленность и значимость ландшафта. Эта двоякая, но при этом внутренне цельная направленность толкования находит свое косвенное выражение в рассуждении собеседников о том, что стало поводом (Anlaß) для их беседы:

Ст.: <...> Так скажи мне, что здесь происходит. Движемся ли мы в вечернем свете здесь, по берегу реки к ее истоку, поскольку нас привела сюда речная песнь Поэта, или же нам вспоминается песнь об Истре потому, что мы, сам не знаю как, оказались в долине этой реки? Кто способен знать нечто достоверное о том, что является здесь причиной, а что – следствием? <...>

Мл.: Вероятно, ни поток не является причиной того, что мы здесь, ни наше присутствие здесь – причиной того, что мы пытаемся истолковать речную песнь. Однако возможно, одно и то же (das Selbe) стало поводом к тому, что песнь потока зовет к нам (uns zuklingt) и что мы сами – вот здесь (da), на его берегу.

Ст.: Ты неслучайно говоришь, «стало поводом» (veranlaßt), а не причиной (Bewirken)⁸.

В приведенном фрагменте в свернутом виде содержится целый ряд тем, существенных для понимания хайдеггеровской герменевтической стратегии. Во-первых, помимо уже охарактеризованного выше сплавления языкового и ландшафтного пластов в поводе для беседы (То же Самое), следует обратить внимание на различие между причиной (Bewirken) и поводом (Anlaß). Здесь, правда, нужно оговориться, что при переводе слова Anlaß на русский как «повод» будут звучат несколько другие коннотации, чем в немецком, которые тем не менее вполне созвучны разрабатываемому в «Диалоге» образу толковательной мысли, кружащей по все новым и новым тропам в неустанном движении вдоль путеводного гимна-потока⁹. В немецком же тексте обыгрывается различие между механистическим понятием причины, с необходимостью порождающей действие, и игровым понятием произвольного повода-позволения, приглашающего толкование к участию в движении слова и мысли. Корень слова Anlaß связывает его с глаголом lassen и его производным zulassen (впускать, позволять, допускать), а также существительным Gelassenheit (отрешенность, предоставленность ч.-л.) – словами, чрезвычайно важными для поздней мысли Хайдеггера. Весь ряд слов характеризует, во-первых, свободу, неподвластность человеческому управлению события понимания – человеку может быть лишь позволено участвовать в процессе самораскрытия смысла¹⁰, поскольку любая попытка автономно зафиксировать, определить поэтическое слово лишает его подвижной полноты и текучести; во-вторых, ту «установку», которая, по Хайдеггеру, только и позволяет поэтическому слову достичь толкователя – установку отрешения от лежащих на поверхности, упрощающих, привычных ходов толкования, строящихся на некритическом принятии традиционных метафизических схем (таких, как чувственное-сверхчувственное, мысль и образ, природное-духовное и т. д.). Метод от-

⁸ Heidegger M. Das abendländische Gespräch. S. 63.

⁹ Ср.: ibid. S. 142–143.

¹⁰ Примеры игры с словом lassen см.: ibid. S. 64.

клонения «очевидных» толкований, тривиализирующих поэтический текст, предполагает поэтому формирование в толкователе постоянной *готовности к принятию* (zulassen) необычного, необъяснимого, многозначного в тексте¹¹. Такого рода отрешенность (Gelassenheit) подразумевает и отказ от попытки форсировать толкование, предоставление себя путеводительству звучащего слова, готовность отвечать на зов текста, из которого проистекает повод-приглашение (Anlaß) к толкованию.

Артикуляция как озвучивание смысла

Аудиальная терминология «зова» и «ответа» неслучайно возникает в связи с обсуждением характерных отношений между толкователем и поэтическим текстом, с одной стороны, и между этим текстом и самим поэтом – с другой. Через анализ некоторых существенных черт толкования мы постепенно подошли к принципу диалогичности, лежащему в основе хайдеггеровской герменевтической стратегии. Одним из концептуальных стержней «Диалога» является требование озвученности поэтического слова. При этом «озвученность» подразумевает, что, во-первых, в подлинной поэзии смысл и звуковая форма, в которую он облечен, слиты настолько, что абстрагирующее разделение на звуковую и содержательную, интеллектуальную составляющую является главным препятствием на пути к постижению единства поэтического языка, который скорее должен быть *услышан*, чем «понят»¹². Однако это не означает, что простое воспроизведение текста вслух автоматически открывает доступ к глубинам смысла; именно потому, что поэтический смысл изначально отчужден, странен и замкнут на самом себе, необходимо «ответствующее» ему толкование, позволяющее «разговорить» поэтический язык, лишить немоты застывшую в своем совершенстве поэтическую формулировку¹³. Поэтому нельзя сказать, что поэзия или интерпретация могут заявить свое право на обладание окончательным смыслом – он существует только в динамичном пространстве-времени диалога между ними. Уже с первых страниц «Диалога» отношение между текстом и толкователем формулируется в терминах переключки между Anklang (отзвук) и Einklang (созвучие),

¹¹ Ср., например, замечание Старшего, что «мы еще не научились в достаточной степени удивляться поэтическому вопрошанию» (ibid. S. 189).

¹² В.А. Подорога сходным образом пишет о поиске Хайдеггером изначальной полноты звучания и смысла слова “sein”: «...это возвращение Хайдеггера к синкретическим, нерасчлененным формообразованиям языка и мышления, которые еще не знали технического использования “sein” в виде копулы “ist”, представляет собой развертывание не только мыслительного, но и психофизиологического, телесного пространства, где акт фонации выступает как важнейший элемент включения слушателя в язык» (Подорога В.А. Указ. соч. С. 115). См. также рассуждения о принципе исполненности ниже в настоящей статье.

¹³ Э. Шёфер указывает на идею совершенных предложений, высказанную А. Фабри в работе “Präliminarien zu einer Theorie der Literatur”: «Фабри отмечает, что в истории мысли с определенным постоянством возникают одни и те же предложения, избегающие мгновенного понимания, но в то же время стимулирующие все новые и новые попытки осмыслить их <...> “Совершенные предложения” – это точки кульминации... в которых мысль и язык достигает предельной нерасчлененности, становятся *atomon*». Здесь мы видим созвучную Хайдеггеру идею смысловой насыщенности совершенного предложения и неотделимости его смысла от вербальной формы. Кроме того, наблюдается сходство с хайдеггеровской мыслью о толковании как повторении-заново (*Wieder-holung*): «По отношению к совершенному предложению наше понимание принимает форму точного воспроизведения <...> *Ego* можно мыслить, но нельзя помыслить ничего *в дополнение к нему*» (Schöfer E. Heidegger’s Language: Metalingual Forms of Thought and Grammatical Specialties // On Heidegger and Language. Evanston, 1972. P. 296–297).

первое из которых характеризует едва уловимое приглашение к диалогу¹⁴, исходящее от поэзии, а второе – осуществляемое толкованием возвращение стихотворения к созвучию с самим собой. Но несмотря на то, что толкование в идеале должно раствориться в чистоте звучащего поэтического слова, оно необходимо для того, чтобы пробудить это «осмысленное звучание» или «озвученный смысл». Более того, в ходе диалога звучащим характером наделяется сама толкующая речь, которая должна стать поющим (вос)произведением стихотворения, настроенным на его основотон (Grundton)¹⁵.

Это своеобразное перемещение герменевтического отношения между текстом и толкователем из плоскости интеллектуалистского понимания в плоскость почти сенсорного опыта озвучивания и слушания демонстрирует интересную параллель с уже очерченным выше сплавом языка и пейзажа. Кажется, что в обоих случаях задачей Хайдеггера является возвращение языку осязаемости. Поэзия Гёльдерлина становится для Хайдеггера источником «телесного» языка, в котором пение-звучание слова неотделимо от смысла, им воплощенного, и от вещей, благодаря ему получающих голос. Открытие и разработка такого измерения существования языка – это и есть приближение к тому праязыку, из звуков которого сотканы вещи вокруг нас. Правда, речь о телесности и осязаемости не означает редукции к голой чувственной воспринимаемости слова, поскольку в основе такой редукции лежит метафизическое разделение мира на области чувственного и сверхчувственного. Поскольку в праязыке этого разделения еще не существует, он «полнозвучен» как в звуковом, так и в смысловом планах. В этом отношении показательна игра Хайдеггера на значениях немецкого слова *Sinn*, которое одновременно может означать смысл, чувство и понимание чего-либо: “*Sinnlicher ist, was reicher ist an Sinn*” («что богаче смыслом, то осязаемее»)¹⁶. Таким образом, задачей толкования является возвращение осязаемости языку – наделения его смысловой и звуковой насыщенностью.

Ландшафт языка и озвученность смысла как аспекты поиска пространства-времени слова

Отсюда видно, что первая формулировка задачи толкования, разработка ландшафта языка, в строгом смысле оказывается неотделимой от второй, артикуляции озвученного смысла. На пересечении этих задач выступают очертания праязыка – области звучащих первосмыслов мира. Такого рода онтологизация праязыка, проведение знака равенства между смыслообразованием и «рождением» мира для человека и вытекающее отсюда совпадение границ мира и языка, обосновывает уместность применения к языку терминологии «пространства-времени». Выход за пределы уплощенного понимания языка как средства коммуникации подразумевает возвращение ему объемности: язык как будто вырастает за пределы самого себя, прорастая в, на первый взгляд, существующий независимо от него материальный мир¹⁷. Можно

¹⁴ Следует также обратить внимание на корень слова «приглашение», которое также представляет собой очень удачный русский вариант перевода *zuklingen* (буквально: «звучать-кому-либо»).

¹⁵ *Heidegger M. Das abendländische Gespräch. S. 69.*

¹⁶ *Ibid. S. 153.*

¹⁷ Х. Падрутт обращает внимание на экологические импликации хайдеггеровской мысли, что подлинность присутствия в мире напрямую зависит от «полноты» языка, которую ему возвращают поэзия и осмысление: «пере-осмысление уведит от объективирующего,

утверждать, что в двух предварительных задачах толкования по-разному проявляется одна и та же тенденция к раскрытию особого пространства-времени существования поэтического слова. В самом деле, разработка *ландшафта языка* предполагает, что, во-первых, обжитый ландшафт – это всегда пространство, осмысленное в языке, а подлинным модусом существования этого ландшафта является то, как он высказывается в слове поэта; во-вторых, через раскрытие топографии языка ему придаются динамические характеристики «природных объектов» – текучая подвижность, раскачивание и др. С другой стороны, *озвученность смысла* достигается путем особого рода артикуляции, в которой соединяются «динамическое» исполнение вслух и «пространственная» разработка поля игры смыслов. Наконец, пришло время взглянуть на конкретные примеры того, как эти задачи осуществляются в тексте «Диалога», и сделать вывод о том, играет ли сама диалогическая форма особенную роль в их достижении.

В каком направлении следует мыслить языковое пространство-время? Ясно, что измерения языка не могут быть представлены в качестве математического или физического континуума. Тем не менее мы попробуем показать, что речь о пространстве и времени не приобретает оттого метафорического характера, и оба измерения поддаются содержательному описанию. Прежде всего, пространство у Хайдеггера связано с категорией разомкнутости или раскрытости. Существенной чертой пространства является то, что оно способно впускать в себя, будь это пространство физическое или пространство смысла. Пространство – это зона свободы, поле возможностей, допускающее движение в разных направлениях. В «Диалоге» можно найти такую формулировку: «Ибо мне кажется, что истолкование есть также о-свобождение»¹⁸, т. е. открытие поля свободной игры значений через устранение препятствий, возникающих вследствие смыслового принуждения. Источником такого принуждения является, например, стремление привести поэтический текст к некоторой однозначной интерпретации или же некритическое использование метафизических мыслительных ходов. Как отмечает в «Диалоге» Младший, «мы вновь и вновь внезапно забываем, как широко вокруг каждого слова поэта», на что Старший продолжает: «и теряемся в узости значения, и напрасно стремимся вытащить из него смысл, тогда как он свободно правит в той пространности, которая открывается поэтическому вопрошанию?»¹⁹. По другой выразительной мысли Хайдеггера–Гёльдерлина, руки слушающего должны быть достаточно пусты, чтобы быть готовыми принять слово²⁰. Необходимым условием подобного принятия является позволение тексту хранить свою тайну, допускать игру ясного и загадочного внутри целого стихотворения и внутри каждого его слова.

рассчитывающего и измеряющего мышления к мышлению феноменологическому, медитативному, от естественно-научной редукции природных феноменов к сохранению их полноты <...> [пробуждает] внимание к нераздельной взаимосвязанности мышления, мира, человека, смерти, неба, земли и языка» (*Padruitt H. Heidegger and Ecology // Heidegger and the Earth: Essays in Environmental Philosophy. Kirksville, 1992. P. 21*).

¹⁸ *Heidegger M. Das abendländische Gespräch. S. 66.*

¹⁹ *Ibid. S. 189.*

²⁰ *Ibid. S. 108.*

Раскачивание, исполнение и диалогичность как способы раскрытия пространства-времени слова

Именно в колебании между ясностью и потаенностью, многозначностью, заключается живой ритм поэтического слова. Суть этого колебательного движения, напоминающего звуковую волну, заключается в постоянном движении от одного полюса к другому, т. е. динамическом пребывании *между* ними. Причем нужно подчеркнуть, что, с одной стороны, это движение не может быть остановлено, ведь остановка или фиксация содержания лишает стихотворение характерной подвижности. С другой стороны, это не произвольное скольжение по безграничному смысловому полю языка, а движение, сдерживаемое определенной строгостью мысли, настроенной на поиск связности, того основотона, который приводит полифонию многозначности к внутреннему созвучию. Такого рода раскачивание описывается в текстах-комментариях к Гёльдерлину с помощью слов *Schwingung*, *Schwung* и отглагольного *Schwingen* («парение, взмах, колебание»). Трудно переоценить значение этой фигуры движения мысли для понимания толковательной стратегии Хайдеггера. В ней уникально сплавляются аспекты движения природного – как во взмахе крыльев, звукового – как в колебании струны и диалогического – как в беседе, существующей между говорящими. Кроме первого приведенного в данной статье отрывка из «Диалога», где говорится о «раскачивании мысли в противовзмахе к сказанию певца», еще несколько фрагментов из «Диалога» проиллюстрируют значимость описанного колебания для раскрытия этого специфического пространства «между», в котором существует слово поэта: «Отпустить – не значит просто отключить наши мнения; отпуская [привычное понимание], мы позволяем слову, на первый взгляд пустому, ожидать отклика, который приведет его из песни к раскачиванию»²¹; «Здесь, так же, как и везде, мы услышим однозначность поэтического слова только тогда, когда не станем отгораживаться от особого колебания сверкающей многозначности, которая остается свойственной ему»²².

Можно заметить, что такого рода колебание описывает не только смысловую подвижность слова, но также распространяется и на отношения между голосами текста и толкователя, находящимися в постоянной переключке. Как отмечалось выше, требование озвученности смысла предполагает, что для приведения стихотворения к полновесному звучанию необходим второй голос – толкователя, активное вслушивание которого создает пространство для развертывания смысловой и звуковой многосложности поэзии. Весьма удачным русским словом для передачи этой специфической роли толкователя является «исполнение», в котором сочетаются два аспекта: требование *наполнения* смыслом и пока оставшийся на периферии нашего внимания *перформативный* характер чтения. Разумеется, уже при описании движения раскачивания мы столкнулись с временными характеристиками поэтического языка как находящегося в постоянном движении, однако процедура исполнения позволяет еще сильнее заострить динамическое измерение существования слова. Обращающее на себя внимание в «Диалоге» изобилие музыкальной терминологии (песнь, отзвук, отклик, созвучие, эхо и т. д.) может быть прочитано, в духе Хайдеггера, не в метафорическом, а буквальном смысле. Задача артикуляции смысла, стоящая перед толковате-

²¹ Heidegger M. Das abendländische Gespräch. S. 193.

²² Ibid. S. 184.

лем, предполагает тогда в качестве своей неотъемлемой части исполнение произведения вслух – раскрытие мелодики его звучания, акцентуацию и придание ему ритмического рисунка²³. На протяжении «Диалога» мы не раз встречаемся не только с тем, что собеседники цитируют друг другу отрывки, которые уже заранее известны обоим, но и с явными призывами «прочти этот фрагмент», «обрати внимание на эту паузу»²⁴. Вероятно, такие едва заметные реплики играют особенную роль, а не просто обеспечивают риторическую гладкость текста. Они намекают на необходимость артикуляции поэзии вслух, которой должна быть дополнена безмолвная медитация над ним. Требование перформативной вовлеченности в поэтическое слово носит двоякий характер: во-первых, от толкователя требуется стать звучащим голосом стихотворения. Во-вторых, призыв собеседников «обитать» в тексте, как бы прорастающем в ландшафт, оборачивается призывом обитать в этом окружении, первичном пространстве, предшествующем разделению на сферы языка и природы. Здесь вновь проявляется мысль о специфическом временном и пространственном существовании поэтического слова, о тех *Weile* и *Weite*, длительности и просторности, которые возвращаются ему в процессе толкования.

Особенности герменевтической стратегии Хайдеггера диктуются прежде всего тем своеобразным пониманием сущности исконно поэтического – т. е. созидающего – языка, в котором обретает существование окружающий мир. Однако здесь чрезвычайно важно не поддаваться искушению мыслить этот праязык по аналогии с археологическим артефактом, который покоится в некоторой запредельной области бытия и требует квазифилософского, мистического метода своего обнаружения. Представляется, что дело обстоит прямо противоположным образом – этот язык, следы которого можно обнаружить у исключительных поэтов, не существует вне диалога с толкующим-осмысляющим. Диалогические черты обнаруживаются сразу на нескольких уровнях развертывания-раскачивания стихотворения: толкователь требуется не только для того, чтобы разомкнуть область непринужденной игры значений своей готовностью-воспринимать, но и для того, чтобы «раскачать» мозамкнутость каждого стихотворения, т. е. своеобразными прыжками мысли от одного гимна к другому привести их к диалогу. Кроме того, требование «быть развеянным», распростертым относится и к самому толкователю – оно подразумевает постоянную экстатическую открытость голосу Другого, которая, однако, не означает полного растворения в нем, а наоборот, требует мыслящего ответа на зов. Ответ этот, как мы увидели, заключается не только в безмолвном движении мысли, но и в перформативном озвучивании и обитании внутри поэтической речи-реки.

Однако само по себе акцентирование роли диалогичности в бесконечном процессе самопорождения праязыка еще не способно дать ответ на вопрос, поставленный в начале статьи: что привносит сама *форма* «Диалога» в толковательный процесс? Действительно, все предыдущие диалогические

²³ М. Гелвен, сопоставляя хайдеггеровскую философию с трагедиями У. Шекспира, так обосновывает необходимость артикуляции поэтического слова: «Согласно Хайдеггеру, однако, красиво высказанное слово обнаруживает больше смысла, чем непоэтическая речь, и поэтому *более истинно*. <...> То, как я говорю, является поэтому частью того, что я говорю. <...> в таком случае понятие *референции* не исчерпывает природы языка: язык <...> артикулирует смыслы» (*Gelven M. Heidegger and Tragedy // Martin Heidegger and the Question of Literature. Bloomington, 1979. P. 224*).

²⁴ См., напр.: *Heidegger M. Das abendländische Gespräch. S. 178, 190.*

аспекты толкования вполне могли бы быть реализованы и в рамках классической монологической формы – в примерах подобного рода текстов нет недостатка в наследии Хайдеггера²⁵.

Тем не менее представляется, что форма «Диалога» если не коренным образом трансформирует герменевтический процесс, то всяком случае позволяет увидеть существенные черты толкования в кристаллизованном виде. То, что представлялось в начале нашего рассуждения как простой прием самоустранения автора путем умножения количества голосов, теперь обретает более глубокое значение. В первую очередь, диалогическая форма придает дополнительное измерение движению раскачивания, *Schwingung*. Слово приходит в движение не только на уровне собственных значений, не только в диалоге мыслителя с поэтом и не только во взаимном диалоге стихотворений, но и в разговоре внимающих друг другу собеседников. Этим последним движением языку как бы предоставляется дополнительная степень свободы, заключающаяся в том, что заостряется необходимость еще более внимательного слушания, распространяющегося уже не только на слово поэта, но и на голос прямого собеседника. И даже если возразят, что все же текст этот был написан *одним* человеком и в нем не найти «борьбы мнений» или даже эпизодических столкновений различных точек зрения, на это можно ответить, что диалог здесь все равно имеет место – правда, не как полемическая, а скорее как аудиальная практика. Когда движение мысли разводится по полюсам разных голосов, явственнее проступает ее собственный динамический характер, сопротивление остановке в достигнутой «концепции» и связанное с этим требование постоянного, критического, неутомимого вслушивания в то, что говорится. Тем самым диалогические отношения между собеседниками зеркально отражают те динамические процессы, которыми характеризуется «жизнь» поэтического слова в толковании: его сущностное сопротивление попыткам фиксации узкого значения, а также потребность в слушающем вопрошании для раскрытия поля игры смыслов. В результате в «Диалоге» мы имеем дело с текстом, который сразу на нескольких уровнях акцентирует необходимость слушания по сравнению с активным говорением, поэтому в нем множество мест, где собеседники переходят от толкования стихотворения к интерпретации мыслей друг друга. Самыми же иллюстративными примерами раскачивания-*Schwingung* в тексте являются те моменты, когда в итоге долгой предварительной разъяснительной работы беседа обретает вид музыкальной переключки, где собеседники принимают друг от друга мотивы, развивая и продолжая их. Текст в этих местах как будто приобретает иное качество, становясь более подвижным и одновременно более прерывистым: мысль в этих местах начинает двигаться скачкообразно. Интересно в этой связи упомянуть, что в одном месте «Диалога» похожая скачкообразность как раз и характеризует «складность» (*Fügsamkeit*) произведения: «сказание звучит скалисто, ущелисто, но именно оттого – складнее»²⁶. Примеры описанного колебательного движения в тексте достаточно часты, поэтому мы ограничимся лишь одним, который интересен не только наглядностью проступающих в нем аспектов раскачивания, но и тем, что само раскачивание становится его темой:

²⁵ Впрочем, весьма вероятно, что редукция к монологу возможна именно потому, что диалогическая форма лежит в основании языка. Такое предположение высказывает, например, Х. Отт, сравнивая роль принципа диалогичности у М. Хайдеггера и М. Бубера (*On H. Heidegger and Personal Structure of Language // On Heidegger and Language*. Evanston, 1972. P. 181).

²⁶ *Heidegger M. Das abendländische Gespräch*. S. 98.

Мл.: Исток изначальное любого начала, и потому мы познаем его существо лишь в конце.

Ст.: Но первой в конце будет для нас смерть. Ты думаешь о ней?

Мл.: Да, ведь смерть ожидает нас как самое приветливое прояснение в-бытия.

Ст.: Ты так безбоязненно это говоришь.

Мл.: Из необъяснимого доверия.

Ст.: Которое правит лишь там, где Бытие доверилось человеку.

Мл.: И праздник этого доверения есть исток.

Ст.: Тогда смерть останется самым доверительным из всего.

Мл.: Ведь это исключительная боль, которая в своей исключительности единит каждую боль с каждой в существе.

Ст.: Тогда в каждой боли обитает приветливая смерть.

Мл.: А всякая смерть покоится в истоке.

Ст.: Однако посмотри, наш разговор приходит в колебание, рискующее перемахнуть всякую определенность.

Мл.: Поэтому мы и стремимся медленно истолковывать услышанное.

Ст.: Не сдерживая притом раскачивания.

Мл.: Возможно, именно в толковании раскачивание и станет впервые свободнее²⁷.

Диалогическая форма трансформирует сам опыт чтения, заставляя читателя мысленно перемещаться от собеседника к собеседнику и тем самым вовлекая его в многомерное колебательное движение, осуществляемое «Диалогом». Таким образом, текст начинает работать не только на смысловом, но и на перформативном уровне. Кроме того, диалогическая форма акцентирует задачу *исполнения* в описанном выше смысле озвучивания. Музыкальный словарь «Диалога», оформляющий объемную полифонию голосов текста, позволяет предположить, что Хайдеггер допускал возможность исполнения, рецитации «Диалога» вслух. По меньшей мере, некоторые места в тексте недвусмысленно требуют произнесения и вслушивания в звучание стихотворений Гёльдерлина. В этом русле вполне можно предположить, что дополнительное звуковое наполнение, а именно наделение самих собеседников живыми голосами, было бы логичным продолжением стратегии озвучивания.

Подводя итоги, можно утверждать, что приближение к праязыку в «Диалоге» осуществляется через целый ряд пространственно-временных приемов: *экстенсивную* разработку поля смыслов и *интенсификацию* звучания слова в исполнении, наделение *пространственного* ландшафта языком и раскрытие *динамики* поэтического языка через обнаружение природных форм его движения («раскачивание»). Кроме того, мы увидели разностороннюю работу принципа диалогичности – в акцентированной роли слушания, в требовании тройного участия поэта, мыслителя и читателя в процессе смыслопорождения, в движении раскачивания-раскрытия смысла. Жанровое оформление текста в диалог изменяет опыт чтения текста, позволяя заострить все указанные способы приближения к праязыку, который рождается в точке соприкосновения *между* языками поэта, мыслителя и толкователя и поэтому делает излишним всякий вопрос об авторстве.

²⁷ Heidegger M. Das abendländische Gespräch. S. 60.

Список литературы

Подорога В.А. Eгестіо. Гео-логия языка и философствование М. Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М.: Наука, 1991. С. 102–120.

Хайдеггер М. Интервью журналу «Экспресс» / Пер. с нем. Н.С. Плотникова // Логос. 1991. № 1. С. 47–58.

Хайдеггер М. Из разговора на проселочной дороге о мышлении. К вопросу об отрешенности / Пер. с нем. А.С. Солодовниковой // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа, 1991. С. 112–133.

Gelven M. Heidegger and Tragedy // Martin Heidegger and the Question of Literature / Ed. by W.V. Spanos. Bloomington: Indiana University Press, 1979. P. 215–227.

Heidegger M. Das abendländische Gespräch // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 75. Fr. a/M.: Vittorio Klostermann, 2000. S. 57–196.

Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 77: Feldweg-Gespräche (1944/1945). Fr. a/M.: Vittorio Klostermann, 1995. 250 S.

Ott H. Hermeneutic and Personal Structure of Language // On Heidegger and Language / Ed. by J.J. Kockelmans. Evanston: Northwestern University Press, 1972. P. 169–193.

Padrutt H. Heidegger and Ecology // Heidegger and the Earth: Essays in Environmental Philosophy / Ed. by L. McWhorter. Kirksville: The Thomas Jefferson University Press, 1992. P. 11–35.

Pöggeler O. Heidegger's Topology of Being // On Heidegger and Language / Ed. by J.J. Kockelmans. Evanston: Northwestern University Press, 1972. P. 107–146.

Schöfer E. Heidegger's Language: Metalogical Forms of Thought and Grammatical Specialties // On Heidegger and Language / Ed. by J.J. Kockelmans. Evanston: Northwestern University Press, 1972. P. 281–301.

Elucidation as conversation: hermeneutics in *Das abendländische Gespräch* of Martin Heidegger

Natalia D. Safronova

Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: offsafronova@gmail.com

The present article is a close reading, with particular attention to methodology, of *Das abendländische Gespräch* (“Dialogue in Occidental Manner”), a 1946–1948 text of Martin Heidegger, still relatively little known in Russia. The dialogue between philosophical thinking and poetry that takes place in Heidegger's later works forms an essential part of his project of ‘overcoming of metaphysics’ in the quest for ‘the other beginning’ of history and philosophy. According to Heidegger, *Dichtung*, or poetic creation (in the first place, the poetry of Friedrich Hölderlin), is, for language, a more authentic mode of existence than either the ordinary language or the languages of science and metaphysics. Viewed from this standpoint, the *Dialogue* provides a valuable source for the examination of Heidegger's hermeneutic ideas which can be shown to originate in a **distinctive understanding of the nature of poetic speech as a ‘protolanguage’**. For Heidegger, the main goal of interpretation is to reveal the special time and space where the ‘existence’ of poetic word takes place. This goal is here analyzed under two crucial aspects, i.e. the *fusion of language with landscape* occurring in a poetic text and the *performative* interpretation that endows the word with ‘body’. This allows to explicate some of Heidegger's peculiar methodological requirements for the interpreter, such as letting the poetic word itself speak, adapting oneself to its swinging motion, and restoring the word to its semantic *and* sonorous fullness. It can further be demonstrated that, in this case, the choice of a dialogical form, otherwise so rare in Heidegger, serves the purposes of his hermeneutic strategy.

Keywords: Hölderlin, Heidegger, hermeneutics, elucidation, overcoming of metaphysics, dialogue, language of landscape, articulation of poetic language, linguistic space and time, embodied language

References

Gelven, M. “Heidegger and Tragedy”, *Martin Heidegger and the Question of Literature*, ed. by W.V. Spanos. Bloomington: Indiana University Press, 1979, pp. 215–227.

Heidegger, M. “Das abendländische Gespräch”, in: M. Heidegger, *Gesamtausgabe*, Bd 75. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2000, S. 57–196.

Heidegger, M. *Gesamtausgabe*, Bd. 77: Feldweg-Gespräche (1944/1945). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1995. 250 S.

Heidegger, M. “Interv’yu zhurnalu ‘Ekspress’” [Interview with ‘L’Express’], trans. by N.S. Plotnikov, *Logos*, 1991, No. 1, pp. 47–58. (In Russian)

Heidegger, M. “Iz razgovora na proselochnoi doroge o myshlenii. K voprosu ob otrashennosti” [From the conversation on thinking on the country path. To the question of Gelassenheit], trans. by A.S. Solodovnikova, in: M. Heidegger, *Razgovor na proselochnoi doroge: Izbrannye stat’i pozdnego perioda tvorchestva* [The Discourse on the Country Path. Selected late writings]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1991, pp. 112–133. (In Russian)

Ott, H. “Hermeneutic and Personal Structure of Language”, *On Heidegger and Language*, ed. by J.J. Kockelmans. Evanston: Northwestern University Press, 1972, pp. 169–193.

Padrutt, H. “Heidegger and Ecology”, *Heidegger and the Earth: Essays in Environmental Philosophy*, ed. by L. McWhorter. Kirksville: The Thomas Jefferson University Press, 1992, pp. 11–35.

Podoroga, V. A. “Erectio. Geo-logiya yazyka i filosofstvovaniye M. Heidegger’a” [Erectio. Geo-logy of language and M. Heidegger’s philosophizing], *Philosophiya M. Heidegger’a i sovremennost’* [Philosophy of M. Heidegger and Modernity], ed. by N.V. Motroshilova. Moscow: Nauka Publ., 1991, pp. 102–120. (In Russian)

Pöggeler, O. “Heidegger’s Topology of Being”, *On Heidegger and Language*, ed. by J.J. Kockelmans. Evanston: Northwestern University Press, 1972, pp. 107–146.

Schöfer, E. “Heidegger’s Language: Metalogical Forms of Thought and Grammatical Specialties”, *On Heidegger and Language*, ed. by J.J. Kockelmans. Evanston: Northwestern University Press, 1972, pp. 281–301.